

Цзи Цинбай уставился на Лу Чаншэна, его чуть не вырвало от злости, но в его нынешнем виде это не имело ни малейшей убедительности, и он заодно возненавидел молча стоящего рядом генерала Мина.

Мин Хуань, конечно, не знал, о чём думал Цзи Цинбай. Он презирал жизнь и смерть смертных, поэтому лишь формально склонил голову и равнодушно произнёс:

— Ранее ваш подданный подстрелил белого тигра. Говорят, это существо духовное, его сердце и печень можно использовать как лекарство, способное воскрешать мёртвых и залечивать кости. Не прикажете ли мне убить его, вырезать сердце и преподнести государыне?

Цзи Цинбай...

Тань Чжан даже, кажется, задумался над этим предложением и посмотрел на Цзи Цинбая.

— Раз этот белый тигр — существо духовное, его ни в коем случае нельзя убивать, — Цзи Цинбай обомлел от такой наглости, они все точно бесы! — Пусть Ваше Величество прикажет отпустить его, это будет добрым делом.

Мин Хуань снова взглянул на него и на этот раз наконец умолк.

Из-за состояния Цзи Цинбая у императора не было настроения принимать генерала Мина. Лишь позже Цзи Цинбай узнал, что армия Хуаньюй с южных границ за выдающиеся заслуги в прошлые годы удостоилась почётной привилегии «представать перед императором без коленопреклонения, входить во дворец с оружием».

На самом деле, любой здравомыслящий человек понимал, что хотя это и милость императора, правила есть правила, и их нельзя переступать.

С этой точки зрения Мин Хуань определённо не был обычным человеком.

Вернувшись в Чертог Юйлун, Цзи Цинбай целыми днями переживал, как бы не убили того белого тигра. Не пролежав и нескольких дней, он поспешно отправился с служанками в зверинец.

Проводником снова был тот чиновник из Министерства ритуалов, всю дорогу дрожащий от страха, как бы не обидеть его.

— Этот тигр ещё молод, очень смыслённый и даже ласковый к людям, — чиновник приказал евнухам открыть зверинец и, боясь, что Цзи Цинбай сочтёт запах слишком сильным, размахивал руками, несколько раз чуть не задев его.

Цзи Цинбаю было не до привередливости. Пройдя мимо нескольких деревянных загонов, он сразу увидел белого тигра, лежавшего в самом дальнем углу.

Он действительно обладал некоторой духовностью, но до уровня бессмертного ему было далеко.

Цзи Цинбай, взглянув на него несколько раз, мысленно оценил ситуацию: в конце концов, это потомок Нань Ши, и он обязательно должен его спасти.

Белый тигр, как и говорил чиновник, оказался послушным и ласковым, и, будучи существом духовным, проявил к Цзи Цинбаю особую привязанность. Служанка поднесла кожаный

поводок, Цзи Цинбай собственноручно надел его на тигра и уже собирался вывести его, как вдруг услышал насмешливый смех.

Мин Хуань стоял у входа в зверинец. Сегодня на нём не было военной формы, только гражданская одежда, но на поясе висел длинный меч.

Цзи Цинбай замер, как перед лицом грозного врага, не отводя от него глаз.

— Кого я вижу, — Мин Хуань медленно приблизился, словно прогуливаясь по саду, и бегло окинул взглядом лицо Цзи Цинбая. — Оказывается, государыня.

Цзи Цинбай ответил с фальшивой улыбкой:

— Генерал Мин.

Мин Хуань не стал комментировать. Он посмотрел на белого тигра, которого вёл Цзи Цинбай. Зверь явно ужасно боялся его и, встретившись с ним взглядом, жалобно взвыл, дрожа всем телом.

Духовные существа всегда чутко реагируют на не-людей. Увидев длинный меч на поясе Мин Хуаня, Цзи Цинбай на мгновение застыл, почувствовав странное смутное знакомство.

Он инстинктивно не хотел раскрывать свою истинную сущность и изначальную душу перед этим существом, поэтому подавил всю божественную силу, полагаясь лишь на физическое тело Цзи Юй.

Мин Хуань какое-то время пристально смотрел на него, ничего не обнаружил и, потеряв интерес, презрительно усмехнулся.

— Всё же этот белый тигр — животное, и я боюсь, как бы он внезапно не напал и не ранил людей, — Мин Хуань сделал полушаг в сторону, притворно почтительно предложив:

— Позвольте вашему подданному сопровождать государыню во дворец.

Всю дорогу Цзи Цинбай держался от Мин Хуаня на почтительном расстоянии.

Посторонним мужчинам нельзя было входить в женские покои, и Цзи Цинбай не боялся, что Мин Хуань ворвётся силой — слишком много глаз следило за ними. К тому же, теперь за его спиной был могущественный покровитель: и на небесах, и на земле Безмерный Почтенный Будда был самой надёжной опорой. Даже если он пока не мог постичь, что такое Мин Хуань, он не считал, что уровень того может быть выше, чем у Тань Чжана.

Хотя Мин Хуань долгое время служил на границе, его кожа была нежной, а лицо — бледным, словно подёрнутым болезненной дымкой. Телосложение у него было скорее худощавым и изящным. Если бы не громкая слава армии Хуаньёй, глядя на этого генерала Мина, никто бы не подумал, что он годен для командования войсками.

Цзи Цинбай, ведя белого тигра, шёл и не мог не смотреть на меч у того на поясе.

Вероятно, взгляд его был слишком откровенным, потому что Мин Хуань заметил и обернулся.

— Государыня знакома с моим мечом? — спросил он.

Цзи Цинбай фальшиво улыбнулся:

— Генерал льстит мне, мне просто нравится узор на рукояти.

Мин Хуань опустил взгляд. Его меч был спрятан в чёрных ножнах, но рукоять выглядывала наружу, и её цвет действительно был необычным — словно золото и пламя. Он усмехнулся:

— Одна старая знакомая действительно знала этот меч.

Цзи Цинбай моргнул.

Мин Хуань, ухватившись за ножны, усмехнулся, и раздался лёгкий щелчок — рукоять была выдвинута...

— Император прибывает! — внезапно закричал евнух у дворцовых ворот, опускаясь на колени.

Цзи Цинбай инстинктивно обернулся и увидел тёмно-императорские одежды Тань Чжана.

Император стоял против света, выражение его лица было невозмутимым, лишь глаза глубоко и мрачно смотрели на Мин Хуаня и Цзи Цинбая.

Мин Хуань презрительно усмехнулся и безразлично убрал меч обратно.

— Зачем ты привёл этого зверя обратно? — Тань Чжан сделал несколько шагов вперёд, снова взглянул на Мин Хуаня и спросил, опустив голову.

Цзи Цинбай был ошарашен этой двусмысленностью, но, вспомнив о статусе Мин Хуаня, почувствовал внутреннюю тревогу. Шутка ли — Почтенный Будда мог прямо в лицо называть его «зверем», а он не смел. Поэтому он лишь осторожно посмотрел на выражение лица императора и, делая вид, что не понял намёка, взвешенно сказал:

— Мне очень понравился этот белый тигр... Я хочу оставить его.

Тань Чжан не сказал ни «да», ни «нет». Он взглянул на белого тигра — бедное создание тряслось ещё сильнее, чем раньше, уши прижались к голове.

... Цзи Цинбай подумал: что же такого ужасного в этих двоих, что духовное существо так их боится?!

Хотя Мин Хуань и не проявлял особого почтения к императору, он явно тоже не хотел с ним ссориться. Цзи Цинбай понимал, что Мин Хуань, как и он сам, вероятно, не мог постичь судьбу Тань Чжана и потому смутно догадывался об истинной сущности императора как Почтенного Будды. Поскольку они оба проходили испытание, чем выше уровень, тем меньше желания запутываться вместе, чтобы не усугублять испытание и не разрушить причинно-следственные связи и судьбу, рискуя погибнуть самому.

Подумав об этом, Цзи Цинбай снова почувствовал, как ему тяжело. В этой жизни, обречённой на печальную гибель, он надеялся лишь, что потеря уровня и силы будет не слишком велика, чтобы, вернувшись, он мог как следует отлупить Бай Чао.

Раз Тань Чжан прибыл, Мин Хуань не стал задерживаться и, отдав почтительный поклон, удалился.

Увидев, что тот ушёл, император не развеселился, а выглядел так, будто застал их в измене.

— Он хоть и не человек, но и не божество, — Цзи Цинбай без зазрения совести переложил вину

на Мин Хуаня. — Поэтому мы с ним не знакомы.

Тань Чжан фыркнул и спросил:

— Он тоже здесь, чтобы пройти испытание?

Цзи Цинбай подумал, что это весьма вероятно, и кивнул.

— Тогда держись от него подальше, — холодно сказал Тань Чжан. — Чтобы его испытание не перешло на тебя.

Цзи Цинбай...

Похоже, император усердно изучал сборники рассказов о божествах и оборотнях...

Подумал Цзи Цинбай.

Но на самом деле держаться подальше нужно тебе! Я буду только благодарен небесам и земле, если вы двое не столкнётесь!

Перед сном Цзи Цинбай всё ещё думал о мече Мин Хуаня.

Он послушно выпил лекарство, поданное Тань Чжаном, потом позволил себя поцеловать, император долго ласкал его, но в конце концов сдержался и не довёл дело до конца.

Цзи Цинбай так разозлился, что готов был сбросить его с кровати.

— Нужно слушаться Лу Чаншэна, — обняв его, Тань Чжан погладил его по шее.

Цзи Цинбай уже устал спорить о том, что он — божество, а тот — всего лишь простой смертный.

Император, не страдающий от боли огня Инь, быстро заснул, а Цзи Цинбай не мог уснуть. В полудрёме, между сном и явью, он то видел Почтенного Будду, то наблюдал, как Бай Чао на коленях собирает алый лотос судьбы.

И когда рассвело, перед Цзи Цинбаем стоял Мин Хуань.

— У меня была одна старая знакомая, которая действительно знала мой меч, — он ухватился за чёрные ножны, раздался щелчок, и рукоять была выдвинута...

Цзи Цинбай опустил взгляд и увидел, что меч Мин Хуаня оказался в его собственной руке.

Рукоять цвета пламени и золота, клинок, похожий на фениксово перо, воспламенивший искру мирской кармы.

— Юэлуань, — произнёс он сам. — Действительно хороший клинок.

Цзи Цинбай резко проснулся. Он был весь в поту, перед глазами стояла пелена. Снаружи, казалось, кто-то шумел, и, услышав движение, полог кровати поспешно отдернули.

Император никогда ещё не выглядел таким растерянным: синяки под глазами, щетина на лице, выражение полное паники и растерянности. Он смотрел на Цзи Цинбая, хотел протянуть руку, но словно боялся разбить его, и в конце концов лишь тихо приоткрыл рот.

<http://bllate.org/book/15582/1387600>